

фантастическая
история

Книги Андрея Архипова
в серии «Фантастическая История»

Цикл
«Волжане»

ПОВЕТЛУЖЬЕ
ВЕТЛУЖЦЫ

МОСКВА, 2011

фантастическая
история

Андрей Архипов

Ветлџжџы

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
А87

Архипов А. М.
А87 Ветлужцы: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. — 412 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1002-6

Затерявшись во времени и поселившись на окраинах Киевской Руси XII века, наши герои не только сумели выжить, но и постарались объединить вокруг себя таких же деятельных соседей. Теперь они вместе пытаются заработать на хлеб насущный: обжигают кирпич, плавят металл и пытаются торговать своими товарами в близлежащих княжествах. Нужда и любопытство влекут их во все стороны от ветлужских земель, заставляют вступать в жестокие схватки с врагами и задавать непростые вопросы самым разным людям.

Кому принадлежали в древности окрестности Суздаля и Нижнего Новгорода? Кто заселял воронежские земли и властвовал в донских степях? Из каких мест пришел Рюрик и откуда пошло само название — Русь?

И кому верить, если новые знакомые представляют совершенно разные версии минувших событий?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1002-6

© Архипов А. М., 2011
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011

Глава 1

КУПЦЫ НОВГОРОДСКИЕ

Небесные хляби разверзлись почти сутки назад, неистово хлеща упругими струями речную поверхность и листву прибрежного кустарника. Они словно винились за три недели жаркой, сухой погоды и теперь пытались разом возместить пересохшим водоемам и пожухлой растительности весь недостаток влаги за эти дни. Казалось, что вокруг остался лишь дождь, заполнивший собой все окружающее пространство, а все живое замерло, пережидая буйство стихии.

И тем не менее по руслу Ветлуги на ощупь шли три ушка, лениво перебирая веслами поверхность реки. Шли сквозь сплошную стену воды, повинувшись наитию и слабому отблеску утреннего света, едва пробивающемуся через плену туч. Почти от носа до кормы суда были затянуты плотными навесами из парусины, но это не спасало положения. Глубокие лужи копились на провисших полотнах, прикрывающих гребцов от разбушевавшихся дождевых потоков, и прорывались в разные стороны стремительными ручейками.

В один из таких моментов на носу головного судна появился ратник, чья коренастая фигура была с головы до ног закутана в какое-то подобие плаща. Его воинскую принадлежность выдавал лишь меч, вздымающий полы верхней одежды. Именно своим оружием воин ненароком задел стойку, на которой крепился тент, и струя воды тут же обрушилась ему на спину, вырвав из уст негромкое ругательство. Последнее плавно перешло в натужное сипение и ворчливое замечание куда-то в сторону:

— Федька! Отчего полотно не закрепили как следует? Руки бы вам всем оторвать и пришпилить к заднему месту! Может, это тебя заставит головой думать? Кха-кха... — Речь сменилась надсадным кашлем и хриплой удушающей одышкой.

— Так второй день льет как из ведра, Захарий Матвеич! Сил уже нет никаких! А холстина размокла да растянулась. — Следом за первым ратником показалась курчавая голова второго. — Отлежался бы ты — не ровен час, сляжешь в бреду. Вон как жаром-то пышешь. Нечего было ночью по мокрому лесу шататься, дозоры проверяя! Кто тут, в глуши, такую рать рискнет тронуть?

— Кто-кто... А то ты не слышал кто? Не сам ли серебришко отстегивал за речи доверенные? Вот к ним и идем, кха-кха... Ладно, давай под навес вернемся, есть кому за рекой смотреть.

Оба воина вернулись под гроыхающий дождем тент, но постарались остаться вне зоны слышимости других членов судовой команды. Даже восклицания в порыве запальчивости вырывались у них слегка приглушенно.

— Вот отчего ты, оказывается, товарищей своих дожидался, — повертел головой Федор. — Новое дело затеял? Ая-то все голову себе ломал — зачем ты у черемисов топтался? Сукном да поволоками заморскими у них торговать, это... Это как хлеб по зернышку продавать, в то время как в соседней лавке пудами отвешивают! Лишь людей насмешим тем десятком сороков¹ белок, что на дне бочки сложены. И то ведь по шкурке у этой нищеты выменивали — как вымело у них все...

— То-то и оно, что лишь по весне за пушной рухлядью все ходят. Но ныне у нас другие заботы, а расторговаться сукном да аксамитом² можно и в Муроме том же, кха-кха...

— А с весью разбойной что делать будем? На щит возьмем?

— Кха... Не ведаю, Федька. С одной стороны, дела мне до того купчишки и людишек его нет. Набрал каких-то го-

¹ Десять сороков — 400 шкурок.

² А к с а м и т — устаревшее название плотной ворсистой, часто узорчатой ткани из шелка и золотой или серебряной нити, напоминающей бархат.

лодранцев из низов новгородских да ушкуйничал среди чуди да югры. Вон Кузьма, — взгляд Захария скользнул в сторону соседнего судна, — он лишь рад тому, что на той части важных земель¹, где он выкупил право дань собирать, одним лихим ушкуйником меньше стало. С другой стороны, хоть и оборванцы они были, но из Новгорода и посадов его!

— Точно! Наказать окрестных душегубцев надобно, дабы неповадно было им трогать людишек наших.

— Это так, но по здоровом размышлении не такие уж они и злодеи, иначе послухи не стали бы их выгораживать. Ты же сам слышал, что покарали они того купца за нападение на местного воеводу, а тех, кто после этой бойни остался в живых, — судили!

— Так не по-нашему судили!

— Ну, так там в большинстве своем отяцкие людишки живут, они под Правдой Русской и не ходили никогда. А рjada с ними у нас не было, да и не будет! Таких примучить одним пальцем можно...

— И нужно! Но не нам! Не понимаю я, зачем ты в это дело ввязался, Захарий Матвейч. Какой тебе с этого навар будет? Неужто чутье купеческое на этот раз подвело тебя?

— Ха... Как было не влезть к медведю в берлогу! Ведь по дешевке мне ивановские² скорлат отдали, а водмол³ так и вовсе за бесценнок. Ступай, говорят, Захарий, до Мурома через Ветлугу реку, ищи там купца Онуфрия да продавай наш товар себе в прибыльток. А коли узнаешь что про него худое, так торопись вернуться, в долгу не останемся. И если разорение ему какое учинено было, так по мере сил накажи тех разбойных людишек... И Кузьму с Якуном мне сосватали. Скажи, Федька, с чего бы это им такую силищу посылать, а? До разговора со мной уже прознали что-то про дела ветлужские?

¹ Важские земли — район бассейна реки Ваги, притока Сев. Двины, рядом с Сухоной.

² Ивановские — Иваново ста, купцы золотой сотни Новгорода, делающие вклад в казну церкви Иоанна Предтечи на Опоках, который составлял 50 серебряных гривен, т. е. примерно 200 гривен кун (устройство Иванского купечества завершилось грамотой Всеволода Мстиславовича от 1130 г.).

³ Скорлат — сорт дорогого сукна; водмол — грубое немецкое сукно.

Федор протер ладонью мокрую от дождевых капель бороду, стряхнул брызги вниз и наклонился к самому уху купца:

— Не мое это дело, Захарий Матвееч, но про буртасцев мы тоже с тобой слыхали. А их было не меньше, чем нас на ушкуях. Уж лучше подешевле сукно развезить да локтями¹ его продавать, чем головы свои понапрасну класть за такие вот подачки.

— Кто бы еще дал мне его по доброй цене! В розницу у суконников не укупишь, а весь товар с того же Готланда² эти мерзав... они целиком скупают. Нет у меня столько серебра, дабы встрять в ту торговлишку! А вот если на щит местные поселения взять, тогда смогу и вклад церковный в Ивановское общество внести, а не просто монетами на покупку сукна разжиться. Да и ты небось долю захочешь выкупить, а? Вижу-вижу, по глазам заблестевшим. Не торопись с этим, обучись сперва. Ты ведь лишь прошлой весной помощником моим стал... Ха! А сколь со мной ходишь всего, годков семь уже? Ох, время летит! Совсем молодым ведь тебя брал к себе...

Тонкий медвежий рев перекрыл шум дождя, заставив скривиться Захария и вздрогнуть Федора.

— Опять изгаляться начал, — чуть не сплюнул купец на узкую дощатую палубу под ногами.

— Вот-вот, отпустил бы зверя, авось выживет, — поддержал его Федор.

— Да не про косолапого я! Медвежонок тот надоест ему когда-нибудь, и прогонит он его в лес. Над нами всеми Завидка издевается, насилие спроворил я его к Кузьме на день. И дернул же меня нечистый на него согласиться... Об этом более всего жалею. Хотел купцу знакомому угодить, когда тот предложил мне сына младшего до осени в обучение. Даже подумал вначале, что это ивановские мальца пихают для погляда за мной, ан нет... Видать, не знал мой знакомец, что делать с этим убогим. А ныне я не ведаю, как от него от-

¹ Л о к о т ь — единица измерения длины, не имеющая точного значения и примерно соответствующая расстоянию от локтевого сустава до конца вытянутого среднего пальца руки. Полотно продавали рулонами (штуками), каждый из которых по длине был обычно не меньше 50 локтей.

² Г о т л а н д — остров в Балтийском море.

делаться, какое уж тут обучение! Вроде слушается во всем и умом не скуден, да ведь каждый день что-то учиняет, стервец. Один раз драку с черемисами затеял, так я насилу откупился отрезом, потом дружинных двоих подначивать стал...

— Это когда он их уйти уговаривал?

— Ага. Давайте, мол, сбежим, захватим лодку малую и купцов щипать начнем на Волге-реке. Те ко мне ринулись с наветом, а я сразу в ответ ему спрос учинять: зачем он людишек моих баламутит? А этот... шутка, мол, то была, а дружинные твои на нее купились! Кто же знал, что умом они небогаты? Тьфу... кха-кха... А когда мы весной медведицу на рогатину посадили и он детеныша ее на ушкуй взял и в кораб засадил? И ведь как хитро это обставил, шельмец: со мной поспорил, что плясать его выучит и гадить лишь на берегу мохнатый будет! Одно радует — он почти все лето на погосте просидел и на глаза мне не показывался. А вечер что удумал... Не знаешь? Шелом на зверя своего привязал и палку вручил, дабы тот ее обеими лапами держал, будто меч это. Прохожу мимо, людишки мои улыбаются да взгляды прячут... Никак меня через этого топтыгина им высмеивал! Ссажу на берег, как есть ссажу стервеца или измордую до посинения! Что угодно пусть его отец мне высказывает потом...

— Дымы, Захарий Матвейч, дымы! Умудрился кто-то развести под проливным дождем! — донеслось с носа ушкуя.

— К берегу, кха-кха... — закашлялся купец от громкого возгласа. — Подсушиться надобно и согреться...

— Лодья! Наперерез нам идет!

— Вот и добре, поднимай людей, Федор... На руле! Правь на дымы!

Ушкой медленно повернул к правому берегу, разворачиваясь по пологой дуге и сближаясь с лодьей, которая до этого момента шла наперерез, а потом встала, ошестинившись веслами. Наконец щетина на встречающем судне втянулась, а само оно стало против течения, медленно сползая вниз, в слегка тающую пелену дождя.

— Сей миг подойти бы и взять нахрапом, — выразитель-

но заглянул в глаза своего начальства Федор. — С обоих бортов вместе с Кузьмой, а?

— Э-э-э-х, избави тебя бог, Федька, из-под руки моей когда-нибудь выйти, — жалостливо поглядел на него Захарий. — Глянь, как на лодье щиты вздеты над бортом и сулицы между ними торчат! Да и судно у них выше нашего, так что на него забираться надобно, а не прыгать с разбегу. Наверняка и луки изготовлены, под навесом до поры держат, так что малой кровью не возьмешь. Да и подумай, что брать-то? Лодью в пять гривен? Десяток замшелых кольчуг? Ну, наберешь ты даже на сто гривен кун доспехов, а какими потерями это достанется? Это же не торговая лодья, а дозорная... Ох, крепко сторожится местный люд.

— Ну, доспехов и оружия поболее будет, Захарий Матвеич, — неуверенно возразил Федор.

— Тем более! Ума у тебя нет, Федька! Что же ты за купец будешь, если только прибыль считаешь, а убытков оценить не можешь. Кха-кха... Да к тому же половина тех доспехов иссечена будет, а часть воев за бортом окажется и на дно уйдет. И не в том даже причина моего недовольства тобой. О главном ты забыл — о деле! Завалишь его по своей глупости, так тебе из купцов в Новгороде никто руки не подаст потом! Да и воев на ушкуй не найдешь, раз слава о тебе недобрая пойдет. Тебе серебро давали, чтобы ты разбой учинял или дело делал?

— Не ведаю о серебре ничего, Захарий Матвеич, — растерянно поморгал ресницами Федор. — Да и не разбой это будет...

— Как до тебя туго иной раз доходит! Если бы не умел счета правильного товару вести, то разжаловал бы давно... А товар по дешевке — это не серебро, по-твоему? Вызвать нам про купца этого надо, вернуться и доложить обо всем. А остальное — как придется. Понял? Суши весла!

Ушкуи один за другим ткнулись носами в песчаную отмель и замерли, дожидаясь, пока лодья, выгребая против течения, не подойдет к берегу. С ее носа прыгнул немолодой уже воин с иссеченным морщинами лицом и, пройдя половину расстояния до ушкуя, замер, опустив левую руку на оголовье меча. Захарий, покряхтев и прокашлявшись, по-

старался солидно спуститься по сходням ему навстречу, а в конце пути отвесить уважительный поклон. В ответ он получил поклон более сдержанный и вопрос, произнесенный не самым радушным тоном.

— Зовут меня Пычей, представляю я воеводу нашего на заставе сей... Да и не только на ней. Кто такие будете и куда путь держите?

— Новгородские мы, — осторожно начал свою речь купец. — Сам я Захарий, Матвея сын. А со мной сотоварищами Кузьма и Якун. Торговать идем сукном в Муром, но наведываемся и по ветлужским поселениям с той же целью. У черемисов были, к вам вот пришли. Не подскажешь ли, славный Пычей, где тут у вас можно успешно расторговаться? Кха-кха... И кто тут живет? Какому князю подчиняетесь?

— Слишком много вопросов, не менее славный Захарий... Но отвечу. И с киевских земель у нас людишки есть, и удмурты здесь издревле живут, и черемисы в округе обитают во множестве. Однако вижу, что занемог ты и лечение тебе надобно. Жаром так и пышешь, да и глаза неровно блестят. Коли поручишься за людишек своих, то отведем тебя в поселение, где лекарь наш обитает, а их рядом с весью поселим, под навесом пусть обсушатся. Плыть тут не так чтобы долго... к полудню будем, там и расторговаться попробуете. И товарищи твои пусть обещание дадут, что не имеют к нам злого умысла.

— Даю я такое поручительство и за себя, и за них. Кха... А что, добрый лекарь у вас? А то еще двое хворых у меня на ушкуе... Расплачусь сразу же честь по чести.

— Лучший окрест. Может, и в Новгороде у вас такого нет. А серебришко свое побереги пока. Сначала излечись, а потом, как говорит полусотник нашего егерского полка, будем меряться, у кого добрые дела, хм... длиннее. Ну, раз поручился за всех, тебе и отвечать. За нами следуйте.

Сверкнув глазами, Пычей вернулся к своей лодье, которую сразу же начали отталкивать от берега. А Захарий в задумчивости вернулся к ушкаям, где был атакован вопросами спрыгнувших к нему на песок купцов.

— Давайте ко мне на борт, там про все уведомяю. Кха...

Однако сразу скажу: если вой мимоходом роняет слова о своем полусотнике и каком-то полке ратном, то без должного выведывания я сам остерегусь их трогать и вам не дам. Меня знаете, не дай вам бог поперек моего слова что сделать!

* * *

Завид осторожно пробирался сквозь густые заросли, поминая через каждые пять минут нечистую силу. Нет, в лесу «гостем» он никогда не был, проведя на заимке отца почти все свое детство, но тут была самая настоящая чащоба. Иной раз деревьям было некуда падать, и они гнили прямо на корню, грозясь обрушить свои тяжелые склизкие стволы прямо на его голову. Стоило признать, что в таких мрачных местах Завид все-таки изредка бывал. Еще с той поры как он начал осваивать воинскую науку, отец стал брать его с собой в походы, так что болотистые леса новгородских земель и сумрачные чащи Заволочья были ему не в новинку. Однако он в первый раз продирался через такие дебри в одиночку.

Как-то раз его батя сказал, что семейное купеческое дело Завиду светит только в том случае, если со старшим братом что-то случится. Но в любом случае достанется конь добрый, доспех полный и острый меч харалужный. А также помощь в любое время и серебра немалое количество в том случае, если захочет обзавестись собственным хозяйством. Не так уж и мало, с одной стороны. С другой — каждый новгородец от своего родителя броню и коня должен получить, чтобы не преуменьшалась сила ратная родной земли. Так уж издавна заведено. Однако Завид не обижался ни на отца, ни на брата.

Во-первых, именно они занимались с ним военной подготовкой, не доверяя никому этого важного дела. Дорогого стоило отрываться от дел купеческих, состоя в золотой сотне самых богатых людей новгородских, пусть даже далеко не в самом начале этого списка. Правда, понимать это Завид стал только теперь, когда ему исполнилось шестнадцать лет и на подбородке уже проклюнулся светлый пушок будущей окладистой бородки. А отец ведь уделял ему внимание

каждый день, обучая мечу и лучному бою. Лишь когда стало совсем неважно из-за того, что пришлось проводить в постоянных разъездах не по одному месяцу, передал его обучение Мирославу, своему старшему сыну. И не без пользы: гонял тот младшего братика так, как чужой ратник гонять не будет, — ни капли не жалел. Зато, как понимал теперь Завид, такая забота лишней раз поможет ему выжить в нелегкой ратной жизни, так что воспитанием родительским он был очень доволен. Вторым же доводом, его утешавшим, было твердое убеждение, что не стоит делить мощную купеческую на несколько частей, иначе дело всей семьи без большого оборота может и загнуться. Какая уж потом помощь! Это понимал даже последний их холоп. Да и заниматься торговлей ему самому ничуть не хотелось.

Однако была еще одна причина спокойного его отношения к тому, что не он получит наследства, — Завид просто любил старших родичей, несмотря на то что доставалось ему за свой проказливый нрав от обоих довольно сильно. Получал так, что кожа в одном месте теперь на редкость дубленая и боль он терпеть может как никто другой. Но вот то, что они встанут за него горой в случае опасности, сомнений не вызывало, поскольку доказывалось не раз. Наказывать дозволялось только им, другие тронут — отец запросто мог поднять на защиту всю улицу. Родитель проказливого отпрыска всю жизнь строго проводил разграничение: тут свои — их не обидь, потому что они встанут за тебя в случае чего. На соседней улице — другое общество, с ними лучше не ссориться, но и волю давать не надо. А вдалеке от новгородских пятин — чужаки. Там было позволено многое, хотя шkodить и отсиживаться за чужой спиной дозволения не давалось и в этом случае. Не сумеешь защититься — не лезь.

Из-за этого, кстати, отец и отправил своего младшего сына поплавать с другим купцом. Захотелось ему посмотреть, что получится, если тот выпустит весь свой пар без пригляда родичей. Сдюжит или сломает себе шею? Все это Завид понимал, но иной раз обстоятельства и его неумный характер были сильнее. Вот, к примеру, драка с черемисом. Ну не понравилось тому, как Завид фыркнул, оглядывая его коня. А что он должен был делать, глядя на эту клячу? Разве

что всплакнуть на ее длинные зубы, провислую спину и мягкие бабки... Ну да тот получил потом сполна за свои оскорбления.

Однако на текущий момент все обстоятельства играли в его пользу, а строптивый нрав никому из окружающих не мешал. Началось все с прибытия в черемисскую весь, которую почему-то называли Переяславкой. Вообще-то непонятно, чье это поселение, потому что попадались и белобрысые рожи, надоевшие с самого Новгорода, и раскосые физиономии, более присущие каким-то степнякам. Были и отяки, которые себя называли удмуртами. Кроме того, два десятка черемисских воинов прохлаждались около ворот веси, временно побросав там свои пожитки. Сразу же по прибытии новгородцев им пришлось освободить крытый навес, сооруженный на пажити неподалеку от речного берега.

Точнее, это сооружение только называлось так, а представляло собой почти достроенный длинный сруб, поставленный около лесной речушки, впадающей в Ветлугу. Не хватало у него только дверей, а также не были прорублены оконца под крышей для выпуска дыма. Когда Завид увидел, из чего у этого навеса сооружена крыша, у него аж челюсть отпала! Надо же, доски на это дело догадались внахлестку пустить, ну... горбыль большей частью, конечно, но все равно... еще бы золотыми листами покрыли, как купола у церквей! Однако после дождя, который, не переставая, лил почти два дня, этот навес показался новгородцам манной небесной, учитывая, что внутри стояла пышущая жаром огромная печка на дубовых сваях с трубой, уходящей через крышу. Что такое манна, Завид не знал, с трудом постигая премудрости Писания, но неоднократно слышал о ней от новгородского батюшки, который служил в небольшой деревянной церквушке на их улице. И, только скинув промокшую одежду и повесив ее сушиться рядом с этой печкой, он понял, о каком счастье говорил священник. Вот в таком неземном блаженстве он провел несколько часов, и даже едкий запах сушившихся портянок ничуть не задевал его обостренного чутья.

Когда же под вечер дождь прекратился, пришел Кузьма и

сказал, что Захарий Матвеич совсем слег, а пока он недужит, необходимо осмотреться окрест и понять, что происходит вокруг веси. После чего кликнул охотников на это дело. Причем пойти они должны были без доспехов, оружия и конечно же втайне от хозяев. Завид вызвался вместе с двумя другими желающими, тем более что благостное настроение и не думало ухудшаться.

Как только стемнело, три тени бесшумно выскользнули из сруба, кивнули выставленным неподалеку дозорным и растворились во мраке леса, который встретил всех густой капелью, срывающейся с деревьев при малейшем порыве ветра. В отличие от двух других воев, Завид сразу нырнул в лощину, забился там в кусты и просидел добрый час, дрожа от холода. Как оказалось, сделал он это не напрасно, потому что почти сразу обоих новгородцев провели назад со связанными руками. Те вяло ругались, доказывая своим охранникам, что лишь отошли в кусты подальше, однако все их стенания остались без ответа. Быть может, их даже не понимали, поскольку сопровождающие вои большей частью молчали и общались друг с другом на каком-то неизвестном языке. Выждав еще немного, Завид рыбкой скользнул по траве и через половину поприща уже миновал выставленный в лесу дозор с Переяславки, заметив его по приглушенному покашливанию, донесшемуся из-под гигантской раскидистой ели. Конечно, от такого ползанья он поднялся по уши мокрый, но зато гораздо более счастливый. В первую очередь из-за того, что оказался изворотливее своих старших товарищей. А во-вторых, поднимаясь, он заметил извилины лесной речки и слегка выделяющуюся в темноте широкую тропу, уходящую вдоль нее в лесную глухомань. Тут уж Завид совсем расцвел, однако сразу свернул обратно в лес, разумно рассудив, что надо дожидаться утра и только потом начинать пробираться вдоль найденной дороги без риска поломать себе конечности.

Так он и поступил, выступив в путь, едва небо, затерявшееся в верхушках деревьев, слегка посерело. Вот только исполнить такой грандиозный замысел было совсем непросто, один раз он даже чуть не попал под падающее дерево, опершись на него, когда поскользнулся и съехал по глини-

стой почве небольшого овражка. Однако все обошлось, и Завид продолжил пробираться по сумрачной чашобе. Прохладное утро охладило тело через еще не высохшую одежду, ноги тяжело передвигались по земле, волоча за собой прилипшие к сапогам шматки вязкой глины, но это совсем не печалило доблестного разведчика, пробиравшегося через неприятельские заслоны. Мелкие трудности будут преодолены, все секреты выведены, а непонятные жители ветлужских лесов поставлены на свое место. Он же вернется домой на белом коне... да нет, не на белом, и вообще откуда здесь настоящие боевые кони? Однако вернется с добычей, стоя на носу головного ушка, а отец и брат встретят его на берегу и одобрительно похлопают по плечу...

— Слышь, Мстислав, а может, ну его, этого хлопца, пусть себе идет, как шел, а? — неожиданно раздалось шагах в двадцати от Завида, с края поляны, на которую тот выбрался, собираясь осмотреться. Голос этот заставил новгородца замереть от неожиданности, а исходил он от молодого паренька в забавной одежде, который сидел в трех метрах над землей на толстой развилке березы и поигрывал в руках самострелом. — Я уже хлюпаю носом и простыл... Наверное. А этот олух уже целый час кружит по одному и тому же месту, будто леший его водит. Вызваться его проводить, что ли? А то он до морковкина заговенья не дойдет никуда.

— А может, свяжем его, Тимк, а? — раздалось с другой стороны. Еще один юнец чуть постарше первого деловито наматывал веревочные кольца себе на руку. — Бегай тут за ним целый день... А наши там в мяч играют, небось без нас продуют отяцким.

Поняв, что дело плохо, Завид круто развернулся и попытался укрыться в кустах, зеленеющих метрах в пяти от него. Однако добежать до них он не успел. Над головой пронеслась какая-то тень, плечи неожиданно обхватила веревочная петля, а потом неведомая сила рванула его тело назад. Упав на спину, он дернулся, пытаясь дотянуться одной рукой до засапожника, а второй стаскивая сдавливающую его веревку, однако на спину ему навалилось несколько человек, лицо сразу уткнули в жидкую грязь, прикрытую начав-

шими преть опавшими листьями, а руки деловито скрутили, предварительно вытащив ножик из-за голенища сапога.

— Тяжелый какой! — С придыханием произнес голос, принадлежащий старшему из мальчишек. — Еле сдернул его с места...

— Когда же ты меня научишь аркан бросать, а? — спросил первый, соскакивая с березы.

— Видишь же, что сам еще не умею. Батя в поле конного на полном скаку ссаживает, а я... Петля чуть за листья задела, и захват выше пошел, едва не добрался он до засапожника. Баловство все это в лесу.

— Мало ли как судьба повернется, такое умение может в другой раз жизнь спасти...

— Может, но до такого лучше не доводить. Головой мыслить надобно... Вот, к примеру, если бы мы в последний миг не спохватились и ребят с собой не взяли, то пришлось бы стрелять!

— Это да! Не бегать же за ним по мокрому лесу, да и в мяч поиграть охота. Ну что, продаваем его руки-ноги через шест и тащим к себе?

— Для этого руки надо перевязать спереди, а он вон как зыркает, того и гляди кусаться начнет!

— Слышь, здоровяк, кусаться будешь? Или, может, так пойдешь, а?

Привязав Завиду, кипящему от ярости, веревку на шею, четверо подростков побрели с поляны на тропу, привычно выбирая себе путь через бурелом. Новгородец покосился на самострел в руках одного из оставшихся и сдержался от того, чтобы попытаться вырваться, пусть даже и со спутанными руками.

— Ну пошли, что ли? — чуть дернул за веревку тот, которого звали Тимкой. — Не волоком же тебя тащить! Чего молчишь? Язык откусил или онемел от счастья, что нас встретил? Да ты не тушуйся, мы парни мирные, такого большого дядю, как ты, обижать не будем. Только не кусайся, ладно?

— Да я вас... — Рык вырвался из горла Завида, однако кончик болта на взведенном самостреле качнулся в его сторону, и ему вновь пришлось погасить в себе нестерпимое

желание растолкать хилых юнцов и убежать в чашу. — Да я вас на клочки...

— О! Сразу видно, свой парень! — хлопнул его сзади по плечу Мстислав. — Мы тоже такие! Нас если тронешь, то сразу зарычим. Слышь, ты в мяч играть умеешь? А со спутанными руками? Да ты не обижайся, мы же не со зла тебя повязали... А вот насчет рук я не шутил: как научишься играть в мяч, так сразу и освободим. Хохму знаешь, как учили плавать в пруду, из которого воду слили? Мол, сначала плавать научитесь, а потом опять его наполним! А, не ведаешь, что такое хохма? Сей миг расскажу тебе несколько...

Как ни распаял себя Завид, представляя в очередной раз, что эти малолетки повязали его как щенка, но злость под напором непрерывного словесного потока со стороны Мстислава начала куда-то улетучиваться. Через поприще он даже улыбнулся какой-то очередной шутке о вороне, у которой зайцы выманивали сыр, а через час ходу уже недоумевал, почему он мог относиться к этим отрокам с неприязнью. Ну да, повязали, а он бы на их месте по-другому поступил? Все-таки они тут живут, и именно он пришел к ним обманом что-то выведывать. Да и... Точно! Хотел бы он иметь младшего братишку, который был бы похож на одного из них, а то ведь только сестренки достались, в куклы до сих пор играющие. Он бы уж обучил его, как следует меч в руках держать! Хм... А пока не мешало бы у этого Мстиши выведать, как бросают веревочную петлю...

— Ну вот и пришли. — Тимка повернулся к Завиду. — Представляешь, сколько бы ты сюда по бурелому добирался? Эй, пацаны, делимся как обычно! Так и быть, этого дылду ставим вам на ворота! Ну и что, что со связанными руками? Зато вас больше будет!

* * *

— Ну как там Захарий-то? — Кузьма вытянул шею, пытается разглядеть своего товарища, уложенного на широкую лавку под небольшим оконцем, прорубленным посредине стены.

Такое новшество, закрытое бычьим пузырем в деревян-

ной рамке, было устроено в доме по настоятельной просьбе Вячеслава. Лекарь очень настойчиво мотивировал его необходимость невозможностью при осмотре больного поднимать того к волоковому окошку под самую крышу. И тем, что сам он не родился летучей мышью, чтобы висеть при этом на стрехе. А для особо непонятливых добавлял, посмеиваясь над озадаченными лицами, что для лечения посетителей ему нужен яркий свет, а не тусклая лучина. Однако в этот час выражение его лица было безрадостным. Вытерев руки о полотенце, роль которого играла старая выстиранная холстина, он задернул занавеску, закрыв Кузьме обзор горницы или, как ее называли местные, истопки.

— Дела у него... плохи, — объявил Вячеслав честному собранию, состоявшему из Петра, Пычя и новгородских купцов, которые буквально полчаса назад перебрались в дом Любима, перенеся на себе впавшего в беспамятство Захария. В процессе рассказа о своих товарищах и целях прихода на Ветлугу тот сперва стал заговариваться, вызывая недоуменные переглядывания Кузьмы и Якуна, а потом начал терять сознание, сползая по бревенчатой стене дружинной избы на пол. — Думаю, что воспаление легких он подхватил, может, и крупозное... Ну, чуть понятнее попытаюсь объяснить. Легкие он застудил сильно, вот. Кашель давно у него?

— Да уж второй день скоро пойдет, — не на шутку разволновался Кузьма. — А вечер еще промок, в лесу дозоры проверяя, тогда и жар всюю попер... А отлежаться ни в какую не хотел. Вот ведь какая беда-то.

— Одышка у него была?

— Федька сказывал, что с самого утра и началась... И что, никак Захарию не помочь?

— Погодь с этим. Слабость, утомляемость, озноб, головная боль? Ел хорошо?

— Да ить... мы на других ушкуях были. Но жаром от него так и несло... Точно! Снедать с нами отказался, хотя и потчевал нас, как сюда вышли.

— Ох... — сокрушенно помотал головой Вячеслав и попытался объяснить купцам, что кроме постановки диагноза он практически бессилён. — Привезли бы его чуть пораньше, хотя бы на день... Тогда бы я чесночные горчичники по-

ставил или пустырником напоил. В общем, облегчение организму его сделал бы небольшое, а с болезнью он и сам справился бы, вон какой здоровый. А теперь...

— Не уберегли мы, значит, Захария, — повесил голову Кузьма, а Якун, вздрогнув, перекрестился на резную деревянную икону, висевшую в переднем углу.

— Я, конечно, попою его клюквой, жаропонижающие травки дам, но шансов у него... мало. Вот разве что...

— Ты, лекарь, не обессудь меня, не все я понял из того, что ты говорил, — встрепенулся Кузьма. — Но я серебра отвешу, сколь запросишь, ну... сколь есть при себе, если Захарий выкарабкается.

— Ну вот, уже торговаться со мной начал, будто я полный воз с тебя запросил, — грустно улыбнулся Вячеслав и поднял руку, прерывая начавшего оправдываться купца. — Не про плату я пекусь, а про здоровье товарища твоего. Есть у меня корень один, — обернулся он на мгновение к Петру. — Знахарка мне его дала, а Радимир опознал и сказал, что тут его доселе не видал, но очень похож он на «адамов корень», который привозят из Тмуторкани. У меня на родине его иной раз разводили как декоративное... Для красоты сажали. Я почему его запомнил... Один малец у нас им отравился, в рот ягоду потянул, и началось... понос, рвота. Обошлось все, выжил мальчонка, но я потом детально прочитал, что же это за плющ с ягодками был и что лечит он.

— Да ты потравить товарища нашего хочешь, что ли? — открыл рот молчавший до сих пор Якун. — Зелья на нем колдовские желаешь испытывать?

— Да погодь ты, баламут. — Кузьма ткнул своего подельника локтем в бок. — Не слушай ты его, лекарь, вечно он чего-то не понимает. Ты сказывай, сказывай дальше...

— Так вот, — прокашлялся Вячеслав. — Называется это растение переступень белый, дней десять назад я из него настой сделал. Однако прав твой товарищ в одном, Кузьма: не знаю я точно, как лечить им, хотя слышал, что помогает оно даже от крупозного воспаления легких. Но уж слишком ядовитое. Малую дозу дать — может не помочь, перестарается — потравишь... Вот и решайте сами судьбу вашего товарища. Но знайте: если лечить сейчас не начнем, а назавт-

ра ржавая мокрота пойдет, то винить будете только себя. Вот так.

— А скажи, лекарь, — задумался Кузьма, — как выходит, что ядовитая трава помочь может?

— Ну, обычными травами издавна люди лечатся. Той же ромашкой, чабрецом, пижмой... А на самом деле все эти растения ядовиты, только одни в большей степени, а другие в меньшей. Да и не яд это, просто содержание некоторых веществ у них разное, а человеку пользу приносит только определенное их количество. Не больше и не меньше. Как бы это объяснить... Вот выпьешь ты меду хмельного чарку, легко и светло на душе у тебя будет, а если братину, и не одну? Как свинья, прости господи, ползать по земле будешь. А то и копыта отбросишь... Так же и с травой или цветком. У каждого растения что-то есть для нашего здоровья, только надо знать, какую долю взять от него. Вот и Захарию, для того чтобы поправиться, нужно от этой ядовитой лианы всего небольшой кусочек. А вот какой — только догадываться могу...

— Пойдем, Кузьма, — потянул товарища за рукав Якун, — бесовские это речи. Бог здоровье ему дал — он и заберет. Коли нужен ему Захарий, так и преставится он нынче по его воле, а не нужен — так поживет еще на этом свете. Забираем мы товарища нашего от вас, у нас отлежится...

— Ты сам не ведаешь, что глаголешь, купец, — вмешался в разговор Петр. — Какие бесовские речи? Откель тебе знать про промысел Божий? Может, он нашу весь как раз и послал товарищу твоему, дабы спасение он тут свое нашел? Или тебя проверяет, сможешь ли ты Захарию недуг свой побороть или бросишь на произвол судьбы аки пса шелудивого?

— Ты меня не попрекай поступками, — начал заводиться Якун. — Я пытаюсь его спасти от колдуна вашего! Может, вы нас извести хотите по одному!

— В своем ли ты уме, купец, что такие речи мне в глаза бросаешь? — поднялся с лавки, стоящей в углу, Петр. — Не по своей ли воле вы к нам пришли, а потом помощи лекаря нашего попросили?

— Вот так вы и заманиваете путников, а потом режете их,

как скот! — Слюна с ощерившегося в гримасе взбесившегося купца стала брызгать во все стороны. — Вон Онуфрия со всеми его людишками порешили в ночи, дабы ушкуем и рухлядью его завла...

Тяжелый кулак отодвинувшегося назад Кузьмы обрушился на затылок Якуна, заставив его шелкнуть зубами и медленно осесть на пол. Петр, уже положивший руку на изголовье меча, жестом остановил Пычeya, начавшего заходить за спины новгородцам.

— Прощения прошу у вас всех за речи товарища моего, — прервал установившуюся тишину Кузьма, потирая ушибленный кулак. — Дурнем был, дурнем и помрет... Мало ли какие слухи ветер разносит, не стоит все так на веру принимать.

— И ты меня послушай, купец, — насупился Петр. — Догадываемся мы, зачем вы пришли. Не спорь со мной! Не малые дети тут перед тобой собрались... Утром отведу тебя к новгородцу, которого пощадили мы, — сам с ним потолкуешь, один на один, без послухов. Есть тут избушка одна недалеко, плотники ее как раз достроили, вот туда его и приведут... Одно тебе скажу: не купец тот Онуфрий был, а тать, законы людские попирающий. Даже если бы не первый он на воеводу нашего поднял руку и язык свой поганый, то все одно с него за обиду спросили бы. Мальцов наших он силой держал у себя на ушкуе, измываясь над ними. А дети у нас... Под стрелы половецкие бабы наши вставали, дабы их защитить, не разбирая — своих прикрывают или соседских. Неужто после такого отдать чад наших зверю дикому в человеческом обличии на растерзание? Как потом смотреть в глаза матерям их? Так что выслушай сначала того новгородца — и тогда уж суди, как ты поступил бы на нашем месте...

— Спаси тебя бог за то, что на речи Якуна гневу не поддался и меч не вынул, э... воевода.

— За него я покамест, будет сам скоро. И еще одно. Людишек черемисских видел? Так вот, это вои кугуза ветлужского. Так что с князем будете дело иметь, если глупость какую замыслите, а мы не остановим вовремя.

— Пока я за воев наших в ответе, не будет тебе от нас ни-

какого ущерба. А еще про Захария я хотел спросить лекаря вашего...

— Спрашивай, — кивнул головой Петр, отходя в сторону.

— Верно ли, что не пойдет лечение ядом этим поперек Божьего соизволения? Ведь смертушка наша лишь его промыслом приходит...

— Видимо, непонятно я объяснил, либо ты не так слушал, Кузьма, — хмыкнул Вячеслав. — Мы все из одних веществ состоим — что растения, что скотина, что люди. В том же Писании как сказано: «Из праха ты взят и в прах возвратишься...» Важно только с этим прахом не переусердствовать, когда лечить будем.

— Ну, сызнова не все понял, но раз в Писании сказано, так лечи Захария, — махнул рукой купец. — На себя грех возьму, коли преставится. Мне он поближе был, чем дурню этому. — Кузьма поддел носком сапога руку товарища, все еще лежащего без памяти.

— Крепок у тебя кулак, купец, — хмыкнул Петр. — Как бы не помер он: опять ведь слухи про нас пойдут. Заберешь своего языкастого земляка или лекарю оставишь?

— Заберу, оклемается.

— Ну, тебе виднее. По мне, таким ударом и быка свалить можно.

— Не, не свалю, — помотал головой Кузьма. — Но кулак мой на голове не раз испытан, так что к утру очухается. Гхм... я вот спрос имею еще. Нельзя ли все-таки расторговаться нам тут у вас, на пажити? Начал было Захарий про сукно говорить... А у нас и нитки с иголками есть, и другой всячины навалом.

— Я лишь рад тому буду, — согласился Петр, опять усаживаясь на лавку и приглашая собеседника устраиваться напротив. — Да и у нас будет что тебе предложить. Надеюсь, вои ваши от похлебки мясной и хлеба прямо из печи не откажутся? А нашим бабам хоть малый, да прибыток. Охотиться окрест мы вас все одно не пустим, а брюхо набивать чем-то надо, так? Будет и еще кое-что на продажу у нас... А клич по всеям я нынче же брошу: страда закончи-

лась, и для торга самое время. Да и приятнее это, чем головы друг другу сносить, так?

— Знамо дело... А поселение тут не одно, значит, стоит? Тогда место доброе мы нашли, дабы прибыль торговый поиметь.

— Поглядим, как дела пойдут... Вот только прошу тебя, Христа ради, не бродите в округе — держи своих воев в узде. Мои церемониться не будут. Других же недужных с нашими людьми сюда посылай. Кхм... А пока лекарь болезного Захария пользоваться начнет, может, поснедаем чего, а? Сам Вячеслав опосля к нам подсядет. Заодно под чарку меда и вести какие из Новгорода узнаем... Да не трогай ты дурного этого, Пычей, пусть полежит на полу. Ему сейчас все равно. Кликни Агафью со двора лучше, я ее упреждал насчет того, что вечерять сядем. А я сей же миг у Любима по сусекам пошвыряюсь — где-то было у него хмельное...

* * *

Стена, на которой только мгновение назад можно было рассмотреть смоляные подтеки, ходы жуков-точильщиков, извилистой дрожью проползших по поверхности бревна, и сбитые топором сучки, уходящие белеющими пятнышками вверх, вдруг подернулась масляной пленкой и расплылась. Якун прищурился, попытавшись вернуть мелкие детали, но даже такое небольшое напряжение сразу отдалось пронзительной головной болью, от которой он сразу пришел в себя.

— Никак очнулся? — прогромыхал над ухом голос, в котором еле уловимо скользнули знакомые нотки. — А мне Кузьма наказал ожидать, как ты очнешься. Федька, говорит, к хозяину твоему тебя все одно не пустят, так посиди с его товарищем, проследи, дабы он еще раз о притолоку головой не ударился!

— Где я? — Якун, преодолевая боль, сел на полатах, тянувшихся вдоль стены на несколько десятков шагов. — Че было-то?

— Че-че... Сказал бы я тебе! Что, совсем ничего не помнишь?

— Бр-р-р-ра... — потряс головой Якун, после чего со-гнулся в рвотном спазме, наклоняясь под полаты. — Смутно помню, как Захария отнесли к лекарю... О! Потравить хотел его лекаришка. Никак меня опоил чем? Где мы?

— Успокойся, все по-доброму нынче. Солнышко светит, дружинные наши погреться вылезли из избы, дозоры у уш-куев стоят. Кто-то торговлишку справляет, кто-то в состязаниях забавляется.

— Да ты что, Федька! Порежут ведь всех... Даром мы сюда такую рать гнали?

— Окстись, Якунюшка! Долбанули тебя по голове, хм... вот ты и не помнишь ничего.

— А кто долбанул?! — Якун поднялся, шатаясь, с полатей, нащупал висевшие ножны и стал судорожными движениями вытаскивать меч, который чуть вышел и застрял, не поддаваясь резким рывкам. — Они, паскуды, и напали! Поднимай дружинных! Всех вырежу... Мы с Онуфрием на одной улице жили, я его с малых лет знал. А-а-а-а... — Купец рванул посильнее, и ножны соскочили, освободив лезвие.

— Зря ты веревочку порвал, — спокойно произнес Федор, устало усаживаясь на нары. — Не пустят тебя на пажить теперь. Воевода местный у всех, кто на торг захочет выйти, оружие перевязал и воском запечатал. Вроде и не мешает, но лишний раз подумаешь, прежде чем меч из ножен тащить. Кроме того, Кузьма запретил тебе выходить. Во-первых, отлежаться после его удара надо, во-вторых...

— Так это он? Продался, душегуб?!

— Ты тут мечом не размахивай перед моим носом! Смотри-ка, правдолюбец выискался! А кто нас всех заложил перед этими, как их там... ветлужцами, а? Кто сказал причину, по которой мы тут все оказались?!

— Ты что, Федька! Белены объелся? Как это я мог?

— Как-как! А вот так! Взбеленился у них так же, как сей миг кобенишься, и выложил все как на духу! Думаешь, за-чем тебя Кузьма по загровку приложил? Да чтобы не выболтал еще чего! Но и того, что было, хватило... Как потом перед ивановскими оправдываться будешь?

— Ик... — Якун побледнел и молча подошел к Федору,

присаживаясь рядом. — Вот попал я... По миру ведь пустят за долги мои.

— А ты помалкивай больше и оружия не тягай! Все одно ничего не получится. Кузьма троих посылал, дабы разведдали, что творится в округе. Двоих тут же привели, а третий совсем пропал... У них на опушке с луками да самострелами почти два десятка воев расположились, не скрываясь, лодья выше по течению с ратниками стоит, да черемисы около веси посменно ходят. Если тех добавить, кто на торгу стрелы кидает в болтающееся на веревке поленце, так лишь чуть-чуть меньше, чем нас, будет...

— Зачем?

— А?

— Зачем кидают-то?

— Да ни за чем, а за что! Скородка железная тому будет, кто точнее в мордочку нарисованную попадет. И наши туда же пристроились. Тьфу...

— Чего плюешься, Федька? Весь сапог мне измызгал!

— Да... В доспехах ветлужцы почти все. В тулы глянул — там стрелы каленые, не чета черемисам. А ты... поднимай ратников! Всех порежу! Мне Кузьма строго наказал: коли ты опять взъяришься — поленцем тебя приголубить. И вдарил бы, Якуша, вдарил...

— Хм-м... — Купец аккуратнo ошупал себе затылок, морщась от прикосновений.

— Да и не соберешь ты рать. Не до этого воям нашим.

— Что так?

— Да ты сам сходи... без меча. Соскучились вои по горячему после такого ливня, а тут каких только разносолов им девки не предлагают. Повытаскивали из своих заглазников серебришко да трясут около молодок, а те... ох, горячи! Так что пока не отгуляют, на бой ратный не соберешь ты их.

— А сукно наше как, расходится?

— Могло быть и получше, но... Да неплохо, в общем, пошлин не берет. Никаких, Якун, — ни с покупки, ни с продажи. Даже за береговыми никто не подошел! Меха знатные дают: белок почти нет, но бобрами и соболями не одну бочку забьем. Утварь железную предлагают. Я с утраца клинья к одной статной черемиске подбил, так обещала она мне по-

ловину ушкуя таким добром забить, и отдать притом недорого. Мол, своим соплеменникам на Вятку везла, да почему бы с таким пригожим молодцем не расторговаться? Князю на стол ту посуду не поставишь, но хозяйке готовить на таких котлах и сковородах лепо будет...

— А еще есть?

— Есть, да не про твою честь... Да ты сходи, Якун, на торг, сам все пощупай руками.

— А откель у них такая посуда, спрашивал?

— Ну... Набрали все в рот воды и молчат. Однако девица та по секрету поведала мне, что ходили их купцы за три моря, да оттуда такую утварь и привезли.

— Брешет...

— Да брехать-то, может, и брешет от неведения своего, однако она мне еще пряности предлагала. Значит, с полудня привезли сие богатство.

Снаружи раздался громкий окрик, тяжелые шаги простучали по половицам, и над собеседниками навис тяжелой темной громадиной Кузьма, играя желваками на скулах.

— Знал, сволота? — Его кулаки ошутимо сжались. — Знал про делишки Онуфрия с ивановскими?

— Да ты что, Кузьма! — начал привставать Якун. — Про что ты?

— Ты один из нас с ним общался и знать мог про то.

— Про что? Ведать не ведаю ничего, кроме его похода в Булгар, Кузьма. Хочешь, побожусь? — Якун вынул большой серебряный крест из-под нательной рубахи и, поцеловав его, истово перекрестился.

— Выдь отседова, Федька! Иди прочь, говорю, ежели не хочешь, чтобы тебе уши отрезали по приезде в Новгород... То-то же. Вот что, Якун... — Кузьма тяжело опустился на полати и потер ладонями лицо. — Говорил я с новгородцем тем. Девок муромских да мордовских Онуфрий мыслил с татями тамошними в Булгар свозить. И не его умом то дело замышлено, сам понимаешь... Если наследил он там, то во век не отмоемся за свои расспросы перед князем местным. Да и листья уже желтеть начали, так что при малейшей задержке зимовать там придется. Дело свое мы сделали, весть донесем про то, как Онуфрий дни свои кончил. А отомстить

за него — не судьба, да и не хочется мне, Якун, безвинных людей губить и ратников своих при этом класть. А положим многих, если свару затеем... Пусть ивановские сами разбираются. И про девок муромских им ни гу-гу. Понял? А то порешат нас с тобой — и пикнуть не успеешь! Или ушлют на гиблое дело. Так что ты как хочешь, а я распродаюсь и ухожу. Не грозит Захарию тут беда, да и за лечение я серебра отсыплю. А за порядком на ушкуе смотреть — того же Федьки хватит. Тем более что девица одна товар мне с выгодой предложила. Успеть бы его в Новгород привезти да по посадам до зимы пройтись.

— Ах-ха-ха... — Якун начал захлебываться смехом. — Статная да пригожая такая че-че... черемиска? Прости... ты меня, Христа ради, столько на меня навалилось, не выдержал я...

— Так что с той черемиской неладно?

— Беги быстрее, пока Федька у нее обещанный тебе товар не перенял. Ох-ха-ха...

Глава 2 ВЕТЛУЖСКИЙ ТОРГ

Шум и сутолока царили недалеко от тына Переяславки в полном своем великолепии. Продолжительный ливень унялся еще вчера, оставив на склонах холмов грязные подтеки, слегка влажную землю и утреннюю прохладу, заставляя высыпавший на торг люд ежиться и кутаться в теплые одежды. Неяркое осеннее солнце подсушивало луговую землю и скакало зайчиками по пажити, отражаясь от многочисленных dospехов, растекшихся волной вдоль склона холма. Именно там, прямо на чуть пожухлой траве, расположились торговцы, выставив на всеобщее обозрение свои товары и привлекая окрестный люд протяжными громкими возгласами. Большая их часть, несмотря на радостные улыбки, с которыми они зазывали к себе покупателей, была недоверчиво обряжена в брони, и лишь тонкие конопляные веревочки, перевязывающие крест-накрест оголовья мечей и ножны, хранили хрупкое равновесие на торгу.

Ближе к ушкуям заняли места те новгородцы, которым поручили заниматься продажей сукна. Они сложили на предварительно собранных жердяных настилах несколько рулонов сукна и развесили рядом разнообразные отрезы материи для всеобщего обозрения. Около этих невысоких помостов постоянно толкались бабы, щупая серую заморскую ткань и бросая восхищенные взгляды на вывешенные рядом лоскутки парчи алого и синего цветов. Последние были выставлены не столько ради продажи, сколько ради показа, что приезжие купцы не лыком шиты и товар у них есть на любого покупателя, платил бы только запрашиваемую цену.

Еще чуть ближе к веси разместились торговцы нитками, иглками, затейливыми гребнями из кости морского зверя, разноцветными бусами и мелкими скобяными изделиями. А совсем близко от ворот нашел свое место переяславский и отяцкий мастеровой люд, стекшийся со всех окрестных поселений и вынесший на всеобщее обозрение затейливые глиняные горшки и кувшины, резные деревянные игрушки, прялки, долбленные корыта и остальную мелочь, на которую хватило времени долгими зимними вечерами. Между ними вперемежку расположилось несколько новгородцев, чрезвычайно обрадованных тем, что пошлин никто не спрашивает, а свое купеческое начальство куда-то делось и торговать им разной мелочовкой никто не запрещает.

Вторым рядом около ушкуев уселись припозднившиеся отяцкие охотники из дальних гуртов, сперва расположившиеся торговать пушниной и выделанной кожей около самых ворот. Однако мимо них то и дело начали мелькать языкастые переяславские кумушки и бросать мимоходом язвительные замечания. Те поначалу не понимали причины такого внимания, как и сами слова, но доброжелательный Юсь удобно устроился рядом с ними и начал переводить все пожелания вплоть до третьего колена, которыми отяков награждали постоянно шастающие между весью и торгом бабенки. Мол, все мужи с Переяславки и Сосновки меха отдали на черемисскую дань, потому и защита от тех явилась, а вы... да пусть вам будет пусто, как и вашей торговле! Попытки охотников оправдаться и сказать, что живут они по сво-

им законам, все договоренности выполняют, а воины их почти в самую страду ушли на обучение в воинскую школу и теперь тоже стоят в дозорах, успеха не принесли. Бабы обратного перевода Юся не слушали, а жесты им вслед показались отякам несколько несолидным ответом на устроенную словесную бойню. Так что продавцы мягкой рухлядью в итоге плюнули и перенесли свой товар на пажить поближе к новгородцам — благо те сразу проявили к нему интерес.

А между тем вдоль стихийно разросшихся торговых рядов бродили бойкие бабенки со снедью, которую расхватывали новгородские ратники с масляными глазами. Бравые вояки пригоршнями черпали из лукошек красную клюкву, лопающуюся во рту взрывом кислой освежающей прохлады, и заедали ее пышущими жаром ломтями свежеепеченного хлеба. Правда, они не столько пытались расплатиться за съеденное, сколько ухватить молодок за выступающие места, рассчитывая, что это будет достаточной оплатой за их интерес к товару. Некоторым этого действительно было достаточно, и тихое повизгивание звучало усладой для выгуливающихся воев, однако несколько раз голосистые бабенки призывали Свару, который с ленивой грацией сытого kota прогуливался по рядам в сопровождении двух ратников с самострелами. Тот молча подходил к участникам скандала, благо тем деться с пажити было особо некуда, и грустно смотрел в глаза виновнику, коим всегда оказывался новгородец. Видимо, почти все были настроены миролюбиво, да и проскакивало в глубине взгляда переяславца в этот момент что-то безжалостное, поэтому нарушители спокойствия сразу изъявляли желание сотрудничать. А уж завидев его внушительный эскорт, сразу расставались с розовыми шиферными пряслицами, ходящими иногда в качестве монет по Киевской Руси, либо тянулись в мошну за кунной, сердясь на дороговизну, но оплачивая огромную краюху ржаного хлеба целиком.

Однако бывало всякое, и в самый разгар торгова Свара натолкнулся на порядком разгоряченную хмельным медом троицу, которой был уже сам черт не брат. Один из новгородцев сплюнул под ноги торговому дозору и стал протискиваться между ними и торговкой, заодно попытавшись от-

толкнуть невысокого главу воинской школы рукой. Тот недоуменно проследил за его движением и автоматически поймал новгородца за кисть, шагнув при этом вперед. Далее все прошло в полном соответствии с навыками, наработанными Сварой на многочисленных занятиях с полусотником. Круговым движением он завел новгородцу руку назад до предела, шагнул за спину и ударил под колено. Ратник закопался лицом в траву, щедро вымазанную глиной не до конца просохшего склона, а ринувшимся на помощь дружкам уперлись в переносицу болты самострелов сопровождения. А дальше уже наступил бенефис Свары, и он оттянулся по полной программе.

— Гей, люди добрые! — заголосил он противным голосом, подражая визгливой торговке, застигнутой на обвесе, пытаясь этим разрядить мгновенно накалившуюся обстановку. — Доколе нас в грязи такой заставлять будут торговать? Честным ратникам не разойтись, чтобы не спотыкнуться и друг друга не задеть! В следующем году все честь по чести должно быть, слышал ли, Никифор?! И мостки деревянные, и навесы от дождя! — После поданного сигнала о неприятностях переяславец обернулся к стоящим под прицелом воинам и мгновенно перешел на доверительный тон: — А мы с вами по чарке меда выпьем, я угощаю, так?

Оторопевшие от быстрой смены обстановки, двое новгородцев даже растерялись, встречая протрезвевшими глазами жала болтов и обращенный к ним жалостливый взгляд Свары. Тот сразу попытался воспользоваться их замешательством и начал подавать недвусмысленные намеки, которые позволили бы разойтись с миром.

— Думаю, что хмельное приятнее будет, чем бойню тут устраивать. — Переяславец кивнул на верхушку холма, куда на его голос уже подбежали трое лучников. — Ребятюшки, проведите их к Агафье — пусть нальет им чуть-чуть за мой счет, а мы уж позже к вам присоединимся, — кивнул он на лежащего ратника, который, несмотря на вывернутую руку, пытался привстать, что-то нечленораздельно мыча. Не ожидая, что новгородцы уйдут и бросят своего товарища, Свара наклонился к поверженному противнику и отчетливо прошептал: — Коли мысль есть виру с меня потребовать,

так отойдем, и выскажешь свое пожелание. Только сначала вспомни, кто руки первый распустил, видоков даже искать не придется. А распрю на торгу продолжишь — так на бой тебя вызову. Одолеешь меня — другой на мое место встанет, и так будет, пока не уложим тебя в сырую землю. Успокоился? Нет? Сам хочешь биться со мной? Тогда так объясню: вся кровь твоих соратников, что прольется из-за твоей дурости, на тебе будет. Может и бойней все закончиться: новгородцам переяславцы никогда не уступали, кхм... как, впрочем, и вы нам. Коли не хочешь такого исхода, так я тебя подниму и прощения перед всеми попрошу, а потом мировую с тобой выпьем, а? Мне это не зазорно будет, мой нрав тут все знают, зато твоей чести поругания не будет. А все одно захочешь сразиться — так я к твоим услугам, но после торга. Ну? Вот и договорились!

Свара отпустил захват, поклонился окружившей их толпе в пояс, не дожидаясь пока ратник поднимется, и задорно закричал:

— Эх, братцы-ветлужцы! И вы, новгородцы честные! Экий я нескладный оказался, уронил воя нечаянно-негаданно. Прощения прошу у общества за несурязицу такую!

Затесавшиеся среди окружающих ушкуйники, передвинувшие было ножны мечей удобнее и искоса наблюдавшие за лучниками на холме, немного расслабились. Правда, на некоторых лицах было написано разочарование, вызванное тем, что не удалось посмотреть лишний раз на поединок, однако оно тут же сменилось оживлением. Они неожиданно поняли, что Свара извинился лишь перед обществом, как и обещал, однако совсем не собирался просить прощения у обиженного им новгородца. Но и тут переяславец их подвел, потому что полез скреплять примирение к измазанному глиной ратнику троекратным целованием, что вызвало вокруг еле слышимое хихиканье. Обиженный вой после такого проявления теплых чувств совсем протрезвел и сплюнул в сторону, выражая отношение к торгу, Сваре, себе, любимому, попавшему в такую переделку, и ко всем уже начавшим повизгивать зрителям. Дело все-таки могло кончиться плохо, однако представление закончилось появлением чем-то раздосадованного начальства ушкуйников в

лице Кузьмы, который продрался сквозь толпу и рывкнул на своих ратников, пригрозив разобраться самолично со всеми зачинщиками смуты.

Проводив взглядами тут же ушедшего купца, толпа разочарованно вздохнула и начала потихоньку расходиться, оставляя наедине раскрасневшегося от такого поворота событий новгородца и Свару, тянущего того к Агафье чуть-чуть опохмелиться. Слегка поартачившись, ратник согласился, и парочка ушла. А спустя полчаса упомянутая Агафья, поджав хвост, уносила все хмельное прочь с торга, памятуя данные угрозы Свары утопить ее в бочке с медом. Мол, она эту хмельную кашу заварила — она же и должна понести наказание. Правда, при этом товарка была довольной как коза, забравшаяся в огород с капустой. Ее выручка с продажи съестного к тому времени превысила все желаемые пределы.

А началось все с совета Николая, который заскочил проведать Любима и вскользь обмолвился, что вместо того, чтобы разносолы разносить по торгу, надо бы вынести столы и покормить новгородцев горячим. Посуды только набрать побольше и заготовить вместительные котлы с едой. Кто хочет — подошел да закусил, чем бог послал. А выпить захотел — так прошу за отдельный стол, там меду нальют. Почти всю ночь вместе с согласившейся помочь Радкой Агафья колдовала над новыми чугунными котлами и сковородками, пытаясь приготовить что-нибудь повкуснее. А утром ее старания были вознаграждены тем, что проснувшиеся новгородцы потянулись не к своим походным кострам, а на запахи теплого хлеба и ароматных приправ, которые распространялись от столов с выставленной там густой мясной похлебкой. Чуть позже к разомлевшим ратникам подоспел жаренный в диких яблоках кабанчик, запеченные в глине гуси и обжаренные в меду лесные орехи, подаваемые с горячим взваром.

К полудню все заготовки кончились, и Агафья решила поторговать одним крепким медом, отпустив помощницу. И все вроде шло успешно до того момента, как пришел Свара с новгородцем обмывать примирение. Расшугав всех от бочки с медом, они выпили братину на двоих, после чего

осоловевший от выпитого ушкуйник ушел отсыпаться. А глава воинской школы неожиданно стал ей проникновенно рассказывать о способах, коими пользовались еще предки, чтобы сохранить хладный труп на несколько дней. Он выразительно поглядывал на ее налитые телеса и тару для хмельного напитка, смакуя подробности того, что надо делать в случае, если содержимое в бочку не помещается. Тут уж даже Агафье стало понятно, что надо бежать, и дала деру, пока ратник не перешел к практическому показу, ломая ей суставы на таком ядреном и желающем еще пожить теле и заталкивая переломанные руки и ноги в столь небольшой объем. Свара же отправился к следующей точке сбора глазющей праздношатающейся толпы, где устраивала драматическое представление молодая черемиска, прибывшая сюда с двумя десятками ратников и никак не желающая расстаться с окружающим ее завалом из металлической утвари.

* * *

— Ох, соколик мой ясный! Да кабы парчу твою я в лес могла вздеть или в ней же нижнюю рубаху в ручье простирнуть, так я бы и поменяла тебе ее на сковороду железную! — Улина ненароком положила руку на крепкое плечо ратника, отчего того пробила испарина, и он весь покрылся красными пятнами, будто стоял не прохладный денек начала осени, набухший влагой вчерашнего ливня, а жаркий полдень середины лета. Между тем черемиска как ни в чем не бывало продолжила: — Так я в ней только париться по теплой погоде буду, да и тяжесть в ней неподъемная. Ишь додумались нитку серебряную в нее вздевать и цену будто за золотую драть! Да и что я этим лоскутком прикрывать буду — срам свой? На большее не хватит... Представляешь ли ты, добрый молодец, меня в лоскутках этих?

— Э... Гм, платочек себе спроворишь, красавица, — с натугой ответил тот, вертя в руках покрытый серебристым сиянием затейливого рисунка отрез материи на шелковой основе. — Все женихи окрест твои будут...

— Ой, что ты, родимый, — замахала руками девица, застенчиво улыбаясь. — Да разве сравнятся гридни князя на-

шего с такими добрыми воями, как новгородцы? Хотя люди говорят... яйцо что крашеное, что белое — вкус один.

— Не скажи, молодлица! — крикнул молодцеватый ратник, оправляя свои пшеничные усы и давая возможность ускользнувшей было надежде опять проникнуть себе в сердце. — Может, примешь в подарок от меня отрез тканей? Вечером приходи, сговоримся.

— Ой, ласковый мой, да кабы выручку мне к вечеру сделать, я бы на крыльях к тебе прилетела. Да ведь хозяин не даст покоя! За каждую куну, изверг, дрожит! Коли не продам хотя бы половину днесь, так и не отпустит меня, чистить эту утварь заставит. Может, ты мне поможешь почин сделать? — Голос девушки задрожал, и глаза наполнились слезами. — У меня тут всего-то пяток котлов походных да сковород десяток, я тебе любую посудину сей же миг задарма отдам! Так, глядишь, к вечеру и расторгуюсь. Он, кровопивец, по полторы гривны пытается толкнуть котелки эти, да я тебе за гривну и пять кун отдам. Смотри какой! Без шовчика, ровненький, клепок нет нигде, железо толстое, не прогорит...

— Это как это без шва? Чудно. Я самолично видел, как знакомый кузнец похожую утварь из нескольких пластин делал да клепками сбивал.

— То-то и оно, а тут чудо заморское. Ни у кого такого нет в Новгороде, а ты иметь будешь. Да тут одного железа на четверть пуда. А я тебе еще вот такую подвеску для костра дам. Матушка еще жива твоя, а, родненький? — заглянула Улина в глаза вою. И тут же подпустила в голос холодку: — Или жена с детьми дома ждет?

— Гхм... матушка есть, — неудачно соврал тот, начав вертеть котелок во все стороны.

— Вот, ей приятное сделаешь, — сделав вид, что ничего не заметила, кивнула черемиска. — Нацепит она подвеску на жердину, наденет на нее котелок и благословит тебя за подарок твой. Глянь, как сделано: пальцы не обожжешь, да и жердину снимать не надо, так что одной рукой управиться можно...

— Ну ты хоть за гривну отдала бы, красавица...

— Ой, что ты, хозяин лютовать будет! Ох, да вон он

идет, — махнула Улина куда-то на край пажити. — Верно, ругаться будет, что так дешево отдаю... Гривна и три куны, милый. Иначе лишат меня оплаты моей. Быстрее решайся, соколик, отдам, пока он не увидел! Пусть к тебе удача благоволит, ясноглазый, что ты серебром расплачиваешься! Э, молодец, что ж ты мне четверть гривны киевской дал? — Тон черемиски резко изменился и стал похож на цыганскую разудалую речь. — От своей рубленую часть давай, от новгородской! Или мыслишь, что я их в первый раз вижу? Киевская на четверть легче будет! А три куны? Да я поросся на них возьму, милый! И что ты мне шесть беличьих шкурок суешь? Еще три давай! Мало ли как охотники отяцкие их продают... Не две, а три! Спаси тебя твой Христос, воин!

— Николай, свет очей моих, иди принимай выручку. — Голос красавицы опять сменился на мягкую, грудную тональность.

— Ох, договоришься ты, девица! Трофим приедет и взбучку тебе устроит, — сонно пробормотал ей в ответ Николай, пригревшийся на холодном осеннем солнышке чуть выше на холме. Наконец он открыл зажмуренные глаза, приподнялся с земли и сошел к черемиске вниз. — Что же ты парчу-то не взяла... ха, на платочек?

— Такой платочек лишь вместо шелома в битве надевать сгодится. Ох... Скорее бы уж он приехал и устроил взбучку эту... — Поникший тон Улины говорил сам за себя. — Я ведь так рвалась за ним, а он почти и не задержался тут, сразу отбыл! Вот и ты меня бросаешь.

— Не грусти, девонька. Мы все тут, рядом, просто вчера в очередной раз козла выбивали — остыла печь у нас. Почти всю ночь провозились, так что мне поспать бы еще чуток, а земля уже холодноватая... Вон, кстати, Петр идет, ему выручку и отдашь. Он ведь твоему жениху первый друг был с детства, знаешь?

— Знаю...

— Тогда выше носик свой держи, а я пошел. Свару кликнешь, если что, а в помощники я Вышату тебе пришлю, ну... рыжего мальчишку такого. И то не знаю, нужен ли он тебе? Четверти часа не прошло, как товар мы подвезли, а ты уже почин учинила. Да еще какой! — Николай склонился к уху

черемиски и перешел на шепот: — Мы и в треть цены не думали продать...

— Так я сызмальства с дедушкой по торгам хожу, — понеслось вслед собравшемуся уходить кузнецу. — С чего бы другого мне язык ваш так знать? Тут моя стихия. — Улина приподнялась на носки и потянулась руками вверх и в стороны, явив всему миру гибкий, почти девичий стан. — Эй, народ честной! Налетай, подешевело! Жарить, парить на чем будете?! Утварь железная, что до внуков ваших доживет! Горшки, что любой огонь выдерживают и на пол упадут — не расколются! Красота неопикуемая цветов железных по бокам да ромейских плодов, из которых они вино свое делают! И тебе, Петр, не хворать, — прервалась она на секунду. — Осталось всего ничего, новгородцы славные! Двум продажам — третьему не достанется! А вот и покупатель знатный пожаловал! Федор, смотри сам, чем торгуем, поутру я тебе лишь три диковинки заморские и показала.

— Э... кхе, красавица... — Подошедший помощник Захария сначала раскланялся с Петром, а потом уже начал перебирать утварь. — А сказывала, что ушкой мой до половины забьешь. Тут же одним чихом все накрыть можно.

— Товаром моим и два твоих судна забить легко, — парировала Улина. — Только пока ты чихать тут будешь, местный глава весь товар мой заберет! Вишь, приценивается. А вот бренчит ли в мошне твоей серебро, еще неизвестно. Маленьким крючком большую рыбу не выудишь!

— Ишь, стрекоза, чего надумала, серебро наше с Захарием подсчитывать...

— Ох, наше! Гляньте на него, люди добрые, никак он кошель Захария со своим перепутал!

— Кхм... — покраснел Федор, недовольно оглядывая собирающуюся толпу, привлеченную громким зазывным криком Улины. — Ныне я купец, за него. Давай-ка цены называй свои, а не языком попусту трещи как сорока. И товар показывай!

— Так смотри, за погляд с тебя не возьму ни куны! Только как бы не расхватали до тебя все! — Улыбчивая черемиска размашистым круговым движением показала на потенциальных покупателей, которые сгрудились вокруг нее тес-

ным кругом и неторопливо передавали из рук в руки железную посуду, простукивая ей днища и пытаясь даже принюхиваться.

— Ты меня с ними не равняй, милая, — неожиданно успокоился Федор, понявший, что его пытаются вывести из равновесия. — Я у тебя скопом все возьму, если в цене сойдемся, даже ваш воевода, гхм... не сдюжит против меня, — покосился он на Петра и подпустил чуть ехидства в голосе: — Если ты, конечно, не преувеличила, бабонька, и утвари у тебя хватит на целый ушкуй.

— Хватит, хватит! Только вот не знаю уже, что и спросить с тебя. Воевода местный мне заранее кое-что предложил...

— Тогда прежде поведай нам, какую цену ты хочешь и о чем вы с ним сговаривались!

— Да что говорить-то тут...

— Да ты скажи! — слышалось из толпы, внимательно следящей за происходящим торгом.

— Да что сказать?! Сами товар видите! Такого и в Новгороде не найдешь...

— Да видим мы все, — не выдержал Федор. — От какой цены нам плясать? Давай не рассуливай!

— Да ты не робей, говори, — опять вмешался какой-то голос, донесшийся из второго ряда людей, тесно обступивших место торга.

— Эх, была не была! Отдаю все по дешевке! Котлы большие по полторы гривны, малые по гривне и пятнадцати кунам пойдут, сковороды по полгривны, а горшки железные с цветами по гривне кун отдам.

Окружающая толпа притихла, и стало слышно, как заблудившийся трудяга-шмель басовито пролетел в сторону леса навстречу холодной осени и своей гибели.

— Одурела, что ли, лапотница? — Федор вытаращил глаза и шагнул в направлении Улины. Та успела рукой придержать Петра, ринувшегося было к ней на защиту, и выставила перед толпой изящный сапжок, чуть приподняв край поневы.

— И в том, что лапотница я, не прав ты, — невинным голоском произнесла черемиска. — И то, что продавца ха-

ешь, в укор тебе пойдет! Может, и цену за такие речи набавлю.

— Да ну тебя! Сколько ты хочешь на самом деле? Ишь за-ломила!

— Да ты сам скажи, купец, почем взять хочешь?

— Кха... Ну, по десять кун за горшок, по пятнадцать за котел малый и по двадцать пять за большой.

— Тю... Да ты надурить меня хочешь! — возмутилась Улина, уперев руки в бока. — Потом всем рассказывать будешь, как посмеялся над глупой бабой! Надо мной же похотывать все будут! Скажут, за сколь купила, за столь и продала, да еще все лето рать на свое серебро кормила, что в страны заморские плавала вместе со мной за товаром. Стыд-то какой мне будет!

— Да брешешь ты все! Как баба в заморские земли ходить может?

— А может, и брешу насчет того, что была там! Только много ума не надо, чтобы ратников нанять да купца с ними отправить! А уж ныне это мой товар, не в убыток же себе его отдавать?! А ты задарма все забрать хочешь!

Замолчавшая толпа оттаяла, и даже послышались голоса поддержки смелой черемиски от слегка ухмыляющихся жителей Переяславки.

— Так держи, девонька! Вона какие котлы, без шва единого, даже от молота кузнечного следов нет, истинно чудо заморское!

— Ну... — спустя минуту такого гомона Федор пошел на попятный. — По сорок котел большой возьму и горшок по двадцать. Все, последнее мое слово.

— Будто ты не знаешь, купец, сколь надо припасов для рати судовой! — Улина завертела головой в разные стороны и потащила из толпы новгородца, который недавно купил у нее утварь. — Да я вот ему, как первому покупателю, котел большой за полторы гривны отдала... Так ведь, родненький? — Острый каблучок сапожка впился ратнику в ногу. — А тебе только за то скинула, что ты скопом все берешь! Пойду на Вятку ту же — большая утварь по две гривны разойдется! — Второй каблучок ненароком прошелся по сапогам Петра.

— Да уж что на Вятку идти, красавица, тут расторгнешься хорошо, — вздрогнул Петр, но тоже подключился к торгам. — Я бы у тебя и по гривне все котлы походные скупил. Рать растет, а сухой кусок воям в горло не лезет...

— Ну, твоя взяла, красавица, — обреченно махнул рукой Федор. — Беру все большие по его цене, но на остальную посуду все же убавь половину стоимости.

— Ох, ласковый мой, да я бы с превеликим удовольствием, — всплеснула руками Улина, показывая на пробирающегося через толпу Кузьму. — Но видишь, еще один покупатель идет, а он уж точно на все мои цены согласится. Как уговаривал меня поутру, с товаром встретив, как обхаживал... Только вот имени своего не сказал. Все вы такие, кобели проклятые!

— Кузьмой меня кличут, молодница, — растолкал всех любопытствующих от товара подошедший новгородец и начал перебирать железную утварь. — Только напраслину ты на меня возводишь, хая словами погаными, товар я твой обхаживал, а не тебя. Хотя, не будь ты такова... какая есть, то кобели бы около тебя не крутились.

— Ох, срезал девку на лету, — слышалось из толпы.

— Срезал, срезал, родненький. Поставил на место лапотную, — безропотно согласилась Улина и тяжело вздохнула: — А что делать? Нрав свой на торгу не покажешь — так разденете, разуете и без единой куны оставите. Сколько ты, Федор, за котлы большие дать хотел, по гривне за штуку? Отдать тебе, что ли, весь товар?

— Давай, красавица, — подобрался тот, протягивая ладонь и чуть смущаясь, что скреплять договоренность придется с бабой. — Все возьму. Вот тебе в том мое слово!

— Ну-ка охолонь, Федька! — резко вмешался Кузьма, заставив того отдернуть протянутую руку. — Какое имя от родителей получила, молодница?

— Получать легко, отдавать трудно. Ну да ладно, бери за так, купец: Улиной меня родные зовут.

— Так вот, Улина, набавь куну к каждой цене, что тебе этот... купчишка сказал, и товар на мой ушкуй грузи.

— Эй, Кузьма, да что ж ты делаешь? — Возмущение было

написано большими буквами на лице Федора. — Не пожалует тебя Захарий за такое твое вмешательство!

— С Захарием я сам разберусь, если... когда он поправится. И между прочим, Федька, за лечение его я сговаривался заплатить, хотя его монеты все у тебя в мошне лежат целехонькие. Не пришел ты вечер ко мне и не предложил серебро своего хозяина за его же здоровье выложить!

— Кгхм... моя вина, Кузьма. Однако же и ты не прав.

— Ну, раз признал, то отойдем в сторонку и сговоримся, — кивнул в ответ купец и повернулся, чтобы начать выбираться из толпы.

— Ох, теперь гораздо проще все стало, — облегченно вздохнула Улина, провожая взглядом развернувшихся новгородцев. — Ну что, воевода, верно ли то, что возьмешь ты весь мой товар за ту цену, что называлась тут?

— Сговаривались лишь насчет котлов, — подыграл ей Петр. — Однако же и по поводу другого товара я поторговаться не прочь. Прибыток сулит эта утварь изрядный, если развезти ее по поселениям нашим. Однако не уверен я, что такую цену готовы заплатить людишки. Поиздержались они мехами в этот год... Разве что отдать в расчете на зимнюю добычу?

Замершие при первых словах черемиски новгородцы переглянулись и вернулись обратно к разложенному товару, стараясь не обращать внимания на его хозяйку.

— А не дурят ли нас, Федька, а? — внятно произнес в толпу Кузьма. — Вечер сказывали, что черемисы те княжьими ратниками являются. А окрест сей девицы более никого из ее племени не наблюдается...

— Точно! — просиял Федор. — Она же нам про рать толковала, которую нанимала, дабы на полудень ходить. А где она, эта рать-то? Нечистое дело тут творится, сговорились они.

— Что скажешь, девица? — кинул Кузьма вопрос в задорные, полные бесенят глаза Улины.

— А то и скажу, купец, что зря ты пытаешься камешки подводные в таком простом деле найти. Думаешь, что такой поход без ведома ветлужского кугуза мог случиться? А монеты на сей товар я у себя взаймы взяла, мошну из-под по-

невы достав?! Ох, да что я мелю-то, пустоголовая! — запрочитала Улина. — И зачем я тебя обманываю, купец честный новгородский! Да сами они тут горшки эти клепают! Каждый второй у них тут кузнец! И бабы, и дети!

— Ладно, остановись! — потряс головой Кузьма, не обращая внимания на оторопелые взгляды, которыми награждали черемиску Петр и другие общинники в толпе. — Аж звон в ушах пошел от придумок твоих... А почему товар в этой веси? Пошто не самому кугузу отвезли, дабы лицезрел он плоды дел своих торговых?

— На это я тебе отвечу, купец, — вмешался Петр, в голове у которого сразу закрутились те наставления, которые ему оставил воевода. — Утварь сия предназначена была для продажи в землях суздальских, муромских и рязанских. А мы первое поселение по Ветлуге, где храниться может этот товар без разорения для кугуза. Пошлин не берем, охрану предоставляем... Более того, скажу я тебе, вои наши вместе с черемисами ходили в земли дальние и ныне в Суздаль с ними же отправились. Только вот оплошали мы немного, сговорившись за серебро стеречь по дороге этот груз железный! — Он досадливо цокнул языком и добавил: — Нет бы долю в товаре взять!

— Да ты сам видишь, Кузьма, — поправила что-то в своей прическе Улина, — сколько воев тут живет, да какие! Черемисские гридни ни в какое сравнение не идут с ними. Я не про доблесть воинскую сказываю, — поправилась она, увидев смешинки в глазах новгородцев, — а про доспехи и ратное умение! Видел ли ты такое, чтобы на каждом втором муже в захудалой веси бронь добрая была вздета и сабли харалужные на поясах висели, а? Потому и выбрал их князь наш. С одной стороны — в землях его живут, зависят от него, с другой — с силой такой надо в мире жить, а то и в союзе... Да и применять ее себе на пользу.

— Уговорила, языкастая, — махнул рукой Кузьма, не имея сил более спорить. — Берем мы по Федькиной цене весь товар твой на двоих.

— Так бери! Только кто ж тебе отдаст его, золотой мой? — ухмыльнулась Улина. — Мы с Федором не сговори-

лись, а моя цена в половину его дороже была. Да еще Петр, что воеводу замещает, себе товар требует.

— Да неужто ты, краса ненаглядная, не уступишь нам до цены нашей? — с придыханием вмешался младший из новгородских купцов. — Ведь все скопом берем...

— Мне, Федор, со своего лица воду не пить! — отрезала черемиска. — Оттого, что ты его похвалишь, оно милей мне не будет. Хотя... раз такое дело, могу еще набавить цену на утварь свою, если хочешь!

— Э... Это еще почему?

— А за погляд приятный, — ехидно ответила Улина. — Мыслью я, что ты торгуешься так долго лишь для того, чтобы лицезреть меня подольше. А за удовольствие надо платить!

— Так мне что, за взгляд на парчу мою монеты с людешек ваших спрашивать? Тоже ведь красота неопишная!

— Не за взгляд, Федор, — покачала та головой. — Если покупатель подойдет, да вместо тебя сам твой товар нахваливать начнет, неужто ты цены не поднимешь?

— Так-то оно так, да я не товар превозношу, а красоту твою...

— Так и я не набавляю, а лишь грожусь! А могу, если не прекратишь мне зубы заговаривать!

— Ну, хватит, Федька, — вмешался Кузьма, слушавший перебранку с насупившимися бровями. — Ты, девица...

— Баба я, Кузьма, давно уже баба вдовая, правильно ты меня назвал недавно...

— Будь, по-твоему, Улина, баба так баба. Какая цена твоя? Не для торга, а по какой отдашь? Иначе развернемся и уйдем. И на прибыль свой плюнем...

— На прибыль ты свой не плюнешь, купец, — замотала головой черемиска. — Разве что припечет тебя сильно... Но цену скажу. По дюжине кун с котлов скину от моей цены, по десять с горшков и по пять со сковород. Таков мой сказ.

Федор пододвинулся к Кузьме и скороговоркой нашептал ему конечную стоимость каждого покупаемого изделия. Тот поморщился и продолжил торг:

— Еще по десятку кун скинь с каждой вещи, красна дев... Улина, и по рукам ударим.